

**ИВАН
БЕВЗ**

**СУПЕРГЕРОМ
ДЛЯ ГРУСТНЫХ**

18+

Иван Бевз
Супергерои для грустных
Серия «Азбука. Голоса»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73902537

Супергерои для грустных: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-32848-8

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Мальчик Ваня получает часы Капитана Флэш Форварда и сбегает со скучных уроков, чтобы путешествовать во времени (жаль, только вперед). Девочка Женечка мечтает о силе Кларка Кента, чтобы навести порядок в своем городе. Студентка филфака, изучавшая язык мертвых, зарабатывает на жизнь в бюро по организации праздников и мечтает о лучшей жизни. На улицах города появляется «дружелюбный сосед», чьи радикальные методы борьбы с несправедливостью пугают даже тех, кто мечтает о возмездии.

Миллениалы, общий сбор!

«Супергерои для грустных» – сборник рассказов для взрослых, чье детство пришлось на девяностые и ну левые, а бурная юность – на десятые. Под шум блокбастеров «Марвел», сериалов «Зачарованные», «Тайны Смолвиля», фильма «Брат» и мультфильмов про супергероев.

Это проза о нас. О том, как мечты стать супергероем или хотя бы просто героем сменяются мечтой поскорее выплатить ипотеку, вера в чудо – работой в офисе, а желание изменить мир разбивается о быт. Доставайте плакаты, перематывайте кассеты. Будем вспоминать детство, чтобы понять настоящее.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Командир Флэш Форвард	6
Самый быстрый охранник в мире	24
Супермен и Женечка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Иван Бевз

Супергерои для грустных

Настоящая книга является произведением пародийного и сатирического характера. Все персонажи, события и образы использованы в целях юмора, художественного переосмысления и не претендуют на отражение действительности. Любые сходства с реальными лицами, событиями или произведениями случайны. Автор отказывается от любых претензий, прав и обязанностей относительно использования оригинальных материалов и не несет ответственности за возможные искажения. Произведение не связано с авторами или правообладателями оригинальных образов.
ChatGPT

© Иван Бевз, 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Командир Флэш Форвард

Раньше был хаос и неразбериха, мир не имел твердых форм и не поддавался рациональному объяснению. Черные зерна в гречке считались засохшими мышинными кашками, кости динозавров можно было найти в любой из песочниц. Тек ручеек по грязному асфальту, мешаясь с радугой бензина, – и если зажечь спичку, то будьте уверены, что ручеек обернулся бы гигантской огне-змеей. События падали с неба звездами безо всяких законов. Единиц измерения времени не было: год делился на море, шебуршение листьями, пар изо рта и цветы. Вся мебель в доме была громадных размеров, так что я мог буквально ходить под стол пешком; на стулья приходилось взбираться, а потом опасно спрыгивать вниз, рискуя тем, что сползут колготки. Типичный день состоял из пробуждения, мультфильмов, прогулок, игр во дворе, отхода ко сну. Многие действия загадочным для меня образом перемежались приемами пищи.

Однажды в ходе бесцельных брожений по дому мной была обнаружена печатная машинка «Эрика» югославского происхождения. Оранжевая, с желтоватыми клавишами из слоновьих бивней. Блестящие рычажки поманили предчувствием власти. Интуитивно я понял, что эта машина поможет мне привести мир в порядок. Заметив возню в моей комнате, родители взволновались.

– Наш сын решил сесть за печатный станок! Он будет писателем! Или драматургом!

– К чему эти ярлыки с раннего детства? Вот подрастет и сам решит, каким именно безработным он станет. И потом, этот допотопный хлам портит нам интерьеры. Я собирался выкинуть его еще на прошлой неделе. На дворе миллениум! Годик подождет – купим ему персональный компьютер.

– Компьютер вреден для глаз. Пусть машинка останется!

– Он поиграется с ней неделю и забудет, помнишь – тетрис? А тамагочи? И где они теперь? Нет, ради бога, если ты хочешь этим заняться...

Диспут вокруг моего будущего продолжался и ни к чему конкретному не вел. Я решил взять инициативу в свои руки и научился осторожно печатать. В конце концов, понаслышке мне уже был знаком алфавит.

Поначалу робко, указательными пальцами обеих рук я стал строчить сводки с полей заквартирного мира. Где-то там водились настоящие динозавры, а где-то огнедышали вымышленные драконы, и я взял на себя эту миссию: наводить справки, чертить смысловые границы, прокладывать водоразделы реальности.

драконы это скаски а диназавры ест

Таковы были мои первые послания миру. Клац за клацем, и очерки заняли все свободное от приемов пищи, прогулок и детского сада время. Я сидел на ковер подле включенного телевизора, откидывал крышку чехла с «Эрики» и печача

тал уже не глядя, вслепую, покуда меня не призывали есть или спать. По телевизору крутили бесконечные телепередачи, викторины, сериалы и мультики, разбитые рекламой майонеза. Я любил мультики и уважал майонез – и искося, медитативно внимал всему и ничему. На пузатом экране Том носился за Джерри, а я играл соло на выцветшей клавиатуре и ощущал себя на самом из всех своих мест. Ответы на все вопросы Вселенной были в моей голове, стоило только сесть за руль печатной машины – и они проливались на свет.

в африке очень жарко но там водятся кенгуру лев тигр итогдалия

Мне до сих пор импонирует слово «водятся»: как водились мои обитатели в Африке, так и мы, человекообразные, имеем привычку завестись в городах и водиться, водиться. А когда взрослые спрашивали меня, кто же такой «итогдалия», я рисовал иллюстрацию: вот вам мохнатый черный зверь с бивнями, рогами, клыками и большими-пребольшими глазами, исполненными дикой тоски... Да, редкий зверь, он выходит в ночную саванну при полной луне, он за десять верст чует чужую тоску, как завоет, затопчет и как побежит! Безнадега – его рацион. Лучше б вам не встречать итогдалию, это к беде.

Другие заметки затрагивали темы мультфильмов, профессий, видов спорта, одежды. Не скрою, в моем очеркизме была графомания, я понимал это по снисходительным улыбкам от взрослых. И все же мне нравилось сидеть за югослав-

ской печатной машинкой, мне нравилось работать в телевизионном шуме, быть летописцем хаоса заквартирного мира.

Вечерами ко мне на ковер приходили родители. Мультки сменялись детективными сериалами с погонями и перестрелками, вечерними выпусками новостей и магазинами на диване. Я писал до тех пор, пока меня не сажали ужинать и не клали в постель. Рукописи изымались и клеивались опрятно в зеленые тетради «Восход», больше я их не видел. Потом меня снова будили, сажали завтракать, водили гулять, забирали с прогулки, отпускали работать перед телевизором на ковер. Понемногу, строчка за строчкой, окружающая становилась понятной и разделенной. И была таковой, пока не настала Болезнь.

Болезнь была изнурительной, но необходимой – все говорили, что болеть ветрянкой нужно сейчас, чтобы не болеть ею потом. Я не осознавал, что такое «потом», я жил в полном несправедливости и страданий «сейчас», выражал возмущенность, но родители непреклонно мазали меня зеленкой и заставляли дышать картошкой под одеялом.

Хуже всего: Болезнь запретила мне смотреть мультки, заниматься очерками и наказала бредить, уставившись в потолок. Голова гудела реактором. Все чесалось, и нельзя было чесать ничего. В моем воображении, которое было критически воспалено, разворачивалась битва чужеродных веществ с клетками иммунной системы на кровавых плацдармах моего организма. В редкие моменты сознания я видел, как ро-

дители мне сочувствуют и пытаются меня подбодрить. Выходя из вибрирующей темноты, они появлялись в свете ночника и говорили:

- Дружок, потерпи.
- Скоро все это пройдет.
- И тогда снова сядешь за свою печатную машинку.
- И напишешь огромный роман.
- Приключенческий!

А как я узнаю, когда все пройдет? Мы ведь живем в замкнутой бесконечности будней, где события падают звездами с неба, рекламу майонеза вращают по кругу, вслед за шепуршением листьями неизменно следует пар изо рта и сугробы, но никак не наоборот. И к тому же я не видел еще, чтоб однажды начатое хоть раз завершилось: время крутится колесом, воспроизводя само себя, я не выздоровею никогда, а если и выздоровею, то только для того, чтобы вернуться в ту же болезнь. Родители пребывали в замешательстве, не зная, как мне ответить. Они разводили руками, совещались и расплывались. Потом отец ушел в вибрирующую темноту и долго в ней что-то искал. Вернулся, держа в руках нечто сияющее. И снова родители заговорили наперебой:

- Вот, держи. Часы. Командирские!
- С функцией управления временем.
- Раньше они принадлежали одному супергерою.
- Супергероя звали Флэш...
- Форвард!

– Командир Флэш Форвард.

– Но он передал их нам, сказав, что тебе-то всяко нужнее.

– Теперь командирские часы – твои. Если научишься ими правильно пользоваться, сможешь перемещаться в нужное время.

– Но только вперед! Видишь, быстрая стрелка – она управляет секундами, а та, что помедленнее, – минутами.

– А та, что стоит на месте, – часами...

Получается, одни часы управляют другими? Какой-то бред. Родители улыбались и давали напутствия, возвращались в свою темноту. Меня оставили наедине с новым устройством, и я, еще немного его изучая, постепенно проваливался в лихорадочный сон.

Во сне ко мне приходил командир Флэш Форвард. Это был высокий мужчина в серебристом трико и пилотных очках. Он говорил что-то о великой ответственности и великой печали. О том, что всегда только вперед и ни шагу, ни миллисекунды назад. Мне показалось, что он грустит, и я попытался вернуть ему командирский аксессуар, но он покачал головой и убежал в мое будущее.

А я захотел проснуться здоровым и перемотал время нудной болезни колесиком на командирских часах. Магия времени сработала, и от ветрянки на память остались только зеленочные следы. Я поднялся с кровати и, шатаясь, вышел на залитый солнцем балкон – наблюдательный пункт своей башни. Поначалу хотелось жмуриться, но зрение смири-

лось, и я увидел город в ранее недоступных мне контурах. Вид представал как с горы: футбольное поле размером с двадцать футбольных полей, желтая булочная с разлетающимся по всему миру запахом булок и вдали, если оттянуть уголки глаз к вискам, – заповедные бирюлевские джунгли.

Мы жили на самом высоком этаже в гигантском бело-голубом доме-трансформере с легионом окон и людей. Кстати, в отличие от обыкновенных домов, мой мог превращаться в огромного квадратного робота, стрелять лифтами и передвигать ногами подъездов. Конечно, он делал это только в случае крайней необходимости. Я его за этим не заставлял никогда – и, наверное, тем лучше. Главным для меня было знать, что он способен отразить любую угрозу и скрыть меня в своих бесчисленных коридорах. Так, наверное, ощущали себя средневековые рыцари, проживая в трансформере-крепости.

Мы жили в самом сонном из московских спальных районов – в Бирюлеве. Здесь по доброй воле водятся только семьи с малолетними детьми или бабушки, а иногда семьи с детьми и бабушками сразу, в комплекте. Здесь средневозрастной контингент практически отсутствует, что делает будни размеренными и сонными – спальными.

Я поспешил выйти с балкона и сообщить родителям о своем окончательном и бесповоротном выздоровлении, а как следствие – о готовности идти на прогулку. Меня осмотрели, ощупали, измерили температуру и согласились: здоров. Еще

не вполне окрепшего, вывели из квартиры, спустили в лифте и проводили из подъезда на воздух.

Освобожденный из плена ветрянки, я ступал восторженно и осторожно, будто первый человек на Земле. Деревья шумели сладко зелеными листьями, солнце благословляло поверхность футбольных полей. Я болел целую вечность – две недели. Я успел забыть, как все красиво.

Из-за командирских часов я стал уверен, что теперь и время подчиняется мне, так же как подчинялось слово, что я дирижирую им, неосторожно держа за поводья. Я стал колоссален, я сделался всемогущ, я вырос, а вместе со мной Вселенная начала расширяться и усложняться.

Бело-голубой трансформер-дом встал за моей спиной Великой Китайской стеной, плотиной, заслонявшей меня от инопланетных атак, железобетон подпер небо своей пятнадцатипятиэтажестью.

Конец болезни символизировал начало новой эпохи. Я вернулся домой и напечатал на «Эрике» краткий манифест, которым руководствуюсь до сих пор:

я теперь все могуч. я точно буду писателем

Прочитав эти строки, родители переглянулись и сказали: – Что ж! Значит, завтра отправляешься в школу.

С первых дней школы на поверхность всплыли все мои недостатки. Учительница по русскому Марь-Гаврилна, фигура средних лет в костюме цвета оливы, передавала родителям: «Пишет как курица лапой». Она же, но уже переодев-

шись учительницей математики, хмыкала: «Гуманитарий».

Школа разочаровала меня своей рутинностью и отсутствием альтернатив. Оказалось, уроки будут повторяться снова и снова, а игр и коллективного просмотра мультфильмов в программе не предполагалось. Конечно, мои одноклассники были людьми в своей массе приятными и неглупыми, но моему живому уму было среди них тесно и одиноко. К тому же выяснилось, что из школы нельзя уйти по первому желанию и порыву. Это ощущалось просто-напросто несправедливо. И пусть родители убеждали меня, что отдавать детей в школу – древняя традиция и даже им довелось пройти сквозь эти невзгоды, я оставался уверен, что мне ни за что ни про что вlepили десять лет принудительного образования. Оно сильно отвлекало меня не только от постоянной работы по объяснению мира, но и от телевизора, игравшего все большую роль в моем воспитании. Благо у меня оставались командирские часы и напарник-супергерой, который периодически нуждался в моей помощи по спасению мира.

Иной раз сижу на изо и стремлюсь изобразить старание на своем лице, пока руки размазывают по листу неудачный эскиз. Пытался бронетранспортер, но разве ж его нарисуешь? И зачем взялся за такую сложность, нет бы, как у Овечкиной, – вазу! С другой стороны, ваза – слишком примитивно, любой дурак вазу может, на вазе не покоришь пустыню. Раз колесо, два колесо, три, пушка... Нет, опять не то. А какое

было задание? Забыл. Марь-Гаврилна, облаченная на этот раз в фиолетовое платье и шляпу учительницы изо, подходит и начинает: «Бевз, это что за белиберда у тебя нарисована? Я же просила на-тю-р-морт. У тебя руки откуда растут?»

Но тут за окном шум, мотор, удар – все даже встали, чтоб посмотреть. И через пару секунд в класс входит он – в серебряном трико и в пилотных очках. Вокруг дым и прожекторный свет. Он снимает очки и обращается к изошнице:

– Марь-Гаврилна, я вынужден прервать ваше занятие.

– А вы, собственно, кто?

– Я – командир Флэш Форвард.

– Говорите скорее, что нужно, командир!

– Мне нужен один из ваших учеников для срочной и секретной миссии. Это будет очень опасная и невероятная миссия. Без Вани Бевза эта миссия обойтись не может никак. Большого сказать не могу: строго, секретно.

– Я все понимаю. Только скажите, эта миссия, она включает в себя спасение мира?

– А как же!

– Тогда чего вы ждете? Бевз, на выход, про натюрморт забудь, за секретную миссию ставлю пятерку.

Командир подходит ко мне и кладет на плечо свою супергеройскую руку. Он командует: «Запускай!» Я фокусирую всю силу воли на циферблате. Теперь-то уже не дурак и понимаю, куда указывают три стрелки-подруги. Под моим влиянием они начинают вращение, еле-еле, потом как сорвав-

шиеся с цепи псы, резче, быстрее!..

Вокруг нас – воронка, мы шагаем в субпространственный коридор, а потом отстреливаемся, убегаем, спасаем – жалко, никто этого не увидит, все происходит в мгновение невооруженного глаза. И вот я уже дома, сижу на ковре, вальяжно пишу о своих приключениях подробный отчет.

Но дальше, как ни перемещайся вперед, – одна беспроектная школа. Она будет снова ждать меня за порогом, чтобы прервать мой колоссальный труд по объяснению и спасению мира.

Мои одноклассники – как я уже говорил, люди приятные и неглупые – интересовали меня постольку-поскольку, гулянием я не увлекался, а Диснейленд, как говорили родители, слишком дорогой, чтобы быть правдой. Лично мне хватало компании телевизора и командира, но другие, включая учителей и родителей, требовали от меня социализации и соответствующих моему возрасту суперспособностей, например прилежно учиться. Будучи еще и классной руководительницей, Марь-Гаврилна вполголоса отмечала в разговорах с коллегами: «Этому в обществе будет трудно». Впрочем, в оставшиеся полголоса ее было прекрасно всем слышно.

Наконец, помимо недостатков, которые были всем так очевидны, у меня обнаружилась и одна суперспособность – сочинения по литературе.

Еще до школы родители убеждали меня, что, дескать, стихи нужно зубрить, чтобы они отскакивали от зубов, чтобы

я казался, таким образом, интеллигентным и начитанным человеком и, появляясь в обществе, вставая на табурет, поправляя бабочку и потев в белой рубашке с черным жилетом, демонстрировал, как у меня от зубов отскакивает. Ехали. Медведи. На. Велосипеде. За произносимые в обществе мантры мне выдавали пластмассовых солдатиков, по одному за стихотворение. Так на стимул поощрения у меня формировалась литературная реакция. Однако, кроме солдатиков, поэзия не представляла для меня никакой ценности. Поэты бездумно следовали рифме, пока я, очеркист, описывал наиболее достоверную версию мира.

Придя на урок литературы, я попытался донести свою точку зрения до незаменимой никем Марь-Гаврилны. Марь-Гаврилна, придумавшая специально для уроков литературы себе роговые очки и пиджак шоколадного цвета, восприняла мои воззрения холодно.

– Бевз. Я не знаю, что ты там себе напридумал. Но от того, чтобы учить стихи, ты избавлен не будешь.

Дальше шла малоовоодушевляющая речь о том, что поэзия необходима современному человеку для воспитания в себе нравственности, особенно Пушкин и Фет. Что она не дает душе лениться, укрепляет неокрепший ум, тренирует память, особенно Тютчев с Некрасовым. Пытка отскакиванием от зубов продолжилась, к ней добавились сочинения. Теперь нужно было не только учить, но еще и подробно описывать, что хотел сказать автор. Или, точнее, что мы своим

неокрепшим умом смогли понять из того, что автор хотел.

Чего же тут понимать? Человеку нужна была рифма к слову «мгновенье». Он посидел, почесал бакенбарды и такой: «Виденье!» Осталось придумать, чем заполнить пространство между. И так далее. Вполне обоснованно я упрекал поэтов за неоправданные объемы, за непонимание целевой аудитории, то есть нас, школьников-миллениалов. И вообще, что за выбор слов, что за неактуальные мотивы: ум-честь-совесть-отчизна-любовь, так никуда не годится, вот бы про роботов, космос или динозавров! Фигушки. Ни одного робота на всю русскую поэзию.

Моя критика встречала цензуру со стороны Марь-Гаврилны. Красной ручкой она требовала: «Не отклоняйся от темы!» и «Чем критиковать великих, лучше б обогащал собственный словарный запас!» Я старался быть конструктивнее и мягко предлагал Есенину варианты рифм. Писал: «Видно, что поэт старался, хорошо начал, но недотянул. Вот тут: „Белая береза // Под моим окном // Принакрылась снегом...“ Но почему „точно серебром“? Это же так очевидно, так невыразительно и банально! А еще, говорят, бунтарь! Лучше так: „Принакрылась снегом // Как велоцираптор“. И сразу стихотворение начинает играть новыми красками...»

Из-за Есенина моих родителей вызвали в школу. Им сказали: «Мало того что пишет как курица лапой... Так еще и фантазия воспаленная». Родители раздражились и ограничили мои передвижения комнатой, без права доступа к те-

левизору. Без телевизора мне приходилось сутками напролет пялиться в розовую стену обоев и воображать, что это портал в иную реальность. Стена обоев с этой задачей плохо справлялась. При попытке перемотать это вялое зрелище часы командира давали сбой и искрились. Даже он был бессилен против запретов родителей. Так я познал Наказание.

Моя тяга к истине уперлась в бульдозер школьного обскурантизма, и я покорился. В конце концов, понял я, раз мерило моего успеха в жизни – пятерки, то надо их добывать, как добывают пропитание в джунглях, наплевав на этику и мораль. В наших джунглях пятерки дают не за истину, а за верно подобранные клише. Автор мертв, как бы намекала учительница своим прицелом из-под очков, и об авторе либо хорошо, либо доставай виновато дневник.

Итак, чтобы клише выходили убедительнее и в то же время изящней, чтоб мой словарный запас обогащался, как планета Уран, я брал Красную книгу слов, толковый словарь имени Ожегова, доставал оттуда наиболее красноречивые глоссы и кидал их в свои сочинения, как уголь в паровозную топку: вот вам топос и деймос, получайте аллитерацию, перипетию, анапест! Свои работы я тестировал на фокус-группе родителей. Выяснилось, что мама при прочтении раздувается от гордости, как воздушный шар, а папа, наоборот, съезживается от скептицизма.

– Для красного словца, – говорил он, – не пожалеешь и отца! Нас обвинят в помогательстве. Анапесты не годятся.

Пиши простей!

Он был действительно прав, мои сочинения выходили чрезмерно талантливыми, а в школе, то есть на этом заводе по производству посредственностей, не допускалось и искры таланта.

Я пытался вернуться к примитивной форме письма и брал в руки «Эрику», уже почти забытую подругу дней моих суровых.

**пушкин, есенин, лермонтов поэты а лев
толстой царь зверей**

Родители, мои первые читатели и мудрые критики, воротили нос: грубая стилизация, унылая пародия на былые шедевры, автор исписался и пр.

За упражнениями и поиском собственного стиля я провел немало часов. Командир Флэш Форвард стоял надо мной в эти моменты и силился как-то помочь, ускорить прогресс, но мы оба знали: мастерство рождается лишь в непосредственно переживаемом опыте. Никаких перемоток вперед. Только медленное и непримиримое сейчас.

Спустя пару недель, изрядно состарившись, я придумал способ, как щедро удобрять свои тексты наивностью рассуждений, свойственных моему поколению, заводить в тупик логику, нарочно ошибаться так, чтобы это казалось естественным. И в то же время попадать в самый нерв. Я сделался магистром сочинений по литературе, я научился писать их вслепую, по любому произведению, не глядя в оригинал. То-

гда Марь-Гаврилна снова вызвала родителей в школу.

– Уж не знаю, что вы с ним сделали. Но ваш мальчик... Стал так четко формулировать мысли... Может ведь, когда хочет!

Родители приняли за меня похвалу. А я действительно мог и хотел, мне уже не нужна была Красная книга Ожегова, все слова были во мне, и я расточал их, как махараджа рупии, из-под моего куриного почерка они выходили гладкими предложениями. Меня ставили в пример другим детям. Отправляли на олимпиады по литературе. Называли вундеркиндом. Просили списать.

Однако фоновое расширение Вселенной и скачки во времени вместе с командиром Флэш Форвардом постепенно сказывались на моем внимании. Я вяз в мелочах, забывал важное, становился рассеян, поздно засыпал и сутулился. Однажды, вылезая из очередного приключения с роботами и динозаврами, я случайно пропустил большую часть школьной жизни и обнаружил, что мне уже вот-вот шестнадцать и скоро последний звонок. На повзрослевшем лице я разглядел густую апатию ко всему и прыщи. За прошедшее время никаких иных суперсил во мне не открылось, новых друзей и интересов у меня не возникло, по всем «негуманитарным» предметам в дневнике проросли едкие тройки.

У меня появился личный компьютер «Пентиум-три», а «Эрику» родители выкинули из соображений лишнегохлама. Из спального Бирюлева мы переехали в бушующий центр

столицы. Школа катилась к обрыву в более-менее взрослую жизнь. Ощущение колоссальности стихло, будни были оккупированы подготовкой к экзаменам, репетиторами, олимпиадами. Родители говорили, что нельзя бесконечно сбегать от себя в субпространственные коридоры.

– Надо жить, дядя Ваня, надо работать, – вольно цитировала Чехова мама.

Надо было встретиться с реальностью, как Пушкин встретился с Дантесом у Черной речки. Жить, а не перематывать пленку кассеты. Я пытался. Я учился, шатался, вливался в компании, выливался в другие, пил, курил, зубрил, брил едва наметившиеся усы, дрался, падал, влюблялся, дерзил старшим, наставлял младших, клеил жвачки под парту, я перепробовал всякого. Я был как все непростительно долгое время – целых две недели. Но уроки и прогулы уроков были как ксерокопированные, лица и улицы ничем друг от друга не отличались, литературные сочинения утратили былой азарт, в один момент стало западно даже поднимать свое тело с кровати. Как сказал один персонаж из сериала про мафию, *it's like just the fuckin' regularness of life is too fuckin' hard for me, Tony*. Невыносимая постоянность гребаного бытия.

Я поднял руку с часами. Отправимся в приключение, командир, последний разок? Ненадолго, лет на шестнадцать? Грустный мужчина в серебристом трико и пилотных очках сказал мне:

– Ты уверен? Назад дороги не будет.

Ее и не было никогда, этой дороги.

Самый быстрый охранник в мире

На перекрестке Большого Факельного и Солженицына – ночь. Охранник супермаркета «Магнолия» в белой рубашке выходит подышать кислородом, прохладным и майским. Он не курит, как-то не сформировалось привычки, но положен же перерыв. Посетителей все равно нет. У него борода, тридцать пять с лишним лет за плечами и будущее без особых примет. Кем видите себя в будущем, господин охранник? Куда пойдете после супермаркета? Вверх по карьере? Или на заслуженный отдых, домой? Аллах его знает!

Тихо. Воздух, холодный и майский, внезапно возмущается светом фар: на электросамокате верхом мчится, съезжая с Солженицына на Большой Факельный, молодой человек в легком весеннем пальто. Держа одной рукой руль, а другой пытаясь нашарить в кармане эйрподсы, молодой человек не замечает, как роняет у входа в супермаркет «Магнолия» свой кардхолдер. И едет дальше – лихой, беззаботный.

Охранник этого так оставить не может. Он хватается кардхолдер, кричит: «Эй, брат, остановись!» Но эйрподсы уж включены, электросамокат разогнался до запрещенных Дептрансом тридцати км/ч. Делать нечего, охранник – он не из робких, хоть и в белой рубашке, – сразу берет низкий старт. Асфальт проминается под подошвой, как мякиш, ветер нервно задерживает вздох...

Погоня. Электросамокат почти скрылся в тених переулков, и все свидетели ночи – деревья Большого Факельного, женщина, выгуливающая двух чау-чау, бабка, идущая за огурцами, – никто не верит глазам. Человек против машины? Абсурд! Но перед охранником поставлена цель, охранник вращает Землю усилием своих атлетических ног.

Молодой человек в легком весеннем пальто не видит ничего, кроме отрезка дороги, освещаемого узкой полоской электросамокатовых фар. В эйрподсах электронная музыка: та-та-тац-та-та-тац-та-та... Охранник быстрее. Дистанция тает. И вот – цель. Он равняется с молодым человеком и на ходу метко забрасывает кардхолдер ему обратно в карман.

Казалось бы, миссия выполнена, возвращайся, но по инерции охранник продолжает бежать. Он обгоняет электросамокат, осознавая, что почему-то не может, не хочет, не должен замедлиться, наоборот. Дорога прямая, а в мышцах превышающая человеческие лимиты мощь, сколько там км/ч – пятьдесят, шестьдесят? На следующем посту ДПС спидометр показывает сотню. Охранник оставляет далеко позади Большой Факельный, и супермаркет «Магнолия», и всю эту суету, казавшуюся секундами раньше такой неотъемлемой.

Мимо мелькают люди, собаки, витрины. Он входит в бурную реку машин, его тщетно пытается обогнать удивленный водитель *Bugatti*. За две с половиной секунды охранник пересекает ночное Жулебино, в котором снимал комнатушку, едва обращает внимание на тонкую ниточку МКАД. И вот уже

города нет, только шоссе, а за шоссе лесные и горные тропы, ледник. Хлопает тонкий слой воздуха, глухнут уши. «Я прошел звук», – понимает охранник. Не успевает подумать, как подошвы его отрываются от земли, контроль за движением потерян, охранник взмывает ввысь, крутится пулей.

Все объекты как будто на паузе. Охранник наблюдает под облаком бездвижную стаю птиц, замерший в нерешительности сверхзвуковой истребитель. Еще хлопок – стратосфера, вибрация, перегрузка.

И чернота. Холод, редко мерцающие огоньки. Вращение – стоп, инерция села. Охранник в белой рубашке оборачивается в невесомости, впервые за все время глядя назад. Он видит планету, далекую, круглую. Где-то там, понимает охранник, перекресток Большого Факельного и Солженицына, ночь, но, скорее, совсем другой год. Супермаркет вряд ли еще стоит. Перерыв, должно быть, окончен.

Супермен и Женечка

Женечка Сафронова прибегает домой из школы, моет руки, спешно ест оставленную под салфеткой на столе солянку, моет за собой тарелку и бежит в комнату бабушки скорее включить телевизор, потому что в 14:30 по СТС начинаются «Тайны Смолвиля». Быстрее-быстрее, очень важно застать ту самую заставку с песней Remy Zero: «Somebody sa-a-a-ave me-e-e». Что-то вроде ритуала: если успеешь включить телевизор до песни – день сложится хорошо.

Женечка не смотрит «Сейлор Мун», она не понимает ажиотажа вокруг «Секса в большом городе», «Мятежный дух» не устраивает ее пытливый ум, чего уж говорить про «Не родись красивой» и «Мою прекрасную няню». Она лениво поглядывает «Зачарованных», когда нечего больше смотреть, но ключевым сериалом для Женечки являются именно «Тайны Смолвиля». Она смотрит его на протяжении уже бог знает какого времени. Сюжет у сериала такой:

Девяностые, Средний Запад, штат Канзас. Город Смолвиль, буквально «маленький городишко», если пытаться перевести. Кукурузные поля, пикапы, парни в этих американских куртках. Теплая, уютная жизнь, размеренная и прекрасная, какая встречается только на американском телевидении. Женечка даже не надеется побывать в штате Канзас и в Соединенных Штатах, они видятся ей сказкой, параллель-

ной ее существованию в городе Дзержинск Нижегородской области.

И все же Женечка мечтает жить в Смолвиле и учиться в Смолвиль-Хай, а не в гимназии номер девять, которую переделали в гимназию из бывшей казармы. Но эта мечта скорее в значении фантазии, нежели в смысле отдаленных планов на жизнь. Ведь бывает, что ты мечтаешь о телефоне с цветным дисплеем и полифонией, а бывает, что ты мечтаешь поиграть с Гарри Поттером в квиддич. Все-таки есть разница. Но мечтать, как говорит бабушка Жени, не вредно.

Итак, Смолвиль, красота по-американски, идиллия. Вдруг – метеоритный дождь. Бам, бам, бам! Полгорода всмятку. Кукурузные поля тоже покромсало. Лекс, малолетний сын местного олигарха Лайонела Лютера, облысел на всю оставшуюся жизнь. Это, конечно, клеймо зла, в довесок к страшно богатому папаше. Если герой рождается из травмы и любви, то злодей – из травмы и отсутствия любви. На другом конце Смолвиля на глазах у маленькой Ланы Лэнг метеорит уничтожает машину с ее родителями. Так появляется объект вечного спасения, диккенсовская сирота. Город в панике, непонятно, что делать. Пикап с четой фермеров Джоном и Мартой Кент переворачивается в кукурузном поле. К счастью, их жизни ничто не угрожает. Они видят приближающегося к ним ребенка лет трех, аккуратного, вымытого и совершенно голого. Происходит своего рода непорочное рождение. Хотелось бы, чтобы все дети поступали к нам имен-

но таким образом – уже имеющими набор навыков первой необходимости и с гладкой прической. Но повезло только чете Кент. Женечка прекрасно помнит, как из роддома привезли сына соседки Петю: он был красный, скукоженный, громкий и некрасивый.

Неподалеку от ребенка Кенты находят одноместный и, очевидно, инопланетный корабль. Кенты неким образом усыновляют инопланетянина и по доброте душевной выращивают из него Кларка Кента, о котором дальше и пойдет речь. В принципе, на дворе девяностые, метеоритный дождь, повальная коррумпированность и прочая суета – можно было миновать органы опеки и явить обществу ребенка из ниоткуда.

Как это часто бывает в сериалах, предыстория заканчивается, начинается жизнь. И вот Кларку Кенту семнадцать лет или около того, он ходит в среднеобразовательную школу Смолвиля и выглядит как фотомодель с обаятельным, наивным и исполненным добродетели коровьим взглядом. У Кларка есть суперспособности: он невероятно силен и быстр, в огне не горит и в воде не тонет. По ходу сериала он раскрывает в себе и другие приколы: прожигающий взгляд, рентген-зрение, суперслух, ледяное дыхание и пр.

Женечка мечтает о тех же суперспособностях, что и у Кларка. Она считает, что Кларк пользуется ими достаточно редко (один-два раза за серию) и с сомнительной пользой: например, выступает в роли домкрата для трактора на фер-

ме или бросает какого-нибудь злодея через голову. Женечка уверена, что смогла бы распорядиться таким комплектом умений мудрее – решить проблему преступности и спасения мира более системно, что ли.

Меж тем родители Кларка не устают повторять сыну, что у него есть великое предназначение. Кларк действительно избранный, с какого бока ни подойди. Ведь он будущий Супермен, о чем Женечка знает, потому что дружит с Даньком, а тот собирает комиксы, фигурки, наклейки и прочую лабуду. Он-то ей и объяснил, что «Тайны Смолвиля» – это приквел к мифу о Супермене, его школьные годы чудесные.

Пока Кларк еще не достиг критической точки своего превращения, ему нужно учиться в школе на отлично и воспитывать в себе рыцарские качества: героизм, защиту слабых, жажду справедливости, служение прекрасной даме, патриотизм, а также христианские добродетели – скромность, самопожертвование, любовь к ближнему, даже если этот ближний совсем не ближний, а гад последний. Все равно нужно его любить. Данёк говорит, что именно воспитание, вкупе с генетикой и надлежащими уроками жизни, сделает из того Кларка Кента, которого мы имеем, канонического Супермена в плаще. Уроки жизни даются Кларку мелкими порциями вместе со злодеями и испытаниями, а в конце каждой серии он (и вместе с ним Женечка) приходит к выводу, что нужно, к примеру, слушать родителей, отвечать за слова, вступать в сексуальные отношения только по сильной люб-

ви, служить отечеству, не употреблять наркотики, не связываться с дурными компаниями, не превышать скорость и т. п. «Тайны Смолвиля», таким образом, выполняют, кроме развлекательной, еще и воспитательную функцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.